

23.02.93

Андрей ТУРКОВ

Известия. — 1993. — 23 февр. с. 7.

Жил да был до войны, «рос и выросл заурядный графоман», высасывавший из пальца мудреные сюжеты, не находя интересного в самой жизни. «И вот случилось так, что писать вдруг оказалось есть о чем. И время свободное появилось, и место — госпиталь...», — так, с неповторимо-лукавой интонацией вспоминал Виктор Некрасов о собственном писательском рождении, обязанном тем месяцам, когда он и будущие герои его знаменитой книги «В окопах Сталинграда» «сидели вплотную к знаменитым «бакам» на Мамаевом кургане».

Написанное им стало одним из крупнейших успехов того антимифологического (по выражению критика Ивана Дзюбы) направления в нашей литературе, которое «внимательно, понимающе и сочувственно вникало в реальную жизнь реального человека». «Для меня, как для читателя, проза Виктора Некрасова, — пишет один из лучших продолжателей этой традиции Василь Быков, — прежде всего честный, незамутненный взгляд на войну, на проклятую и великую нашу войну с немецким фашизмом».

И быковский очерк, и множество мемуарных страниц сборника «О Викторе Некрасове», составленного его близким другом и выпущенного издательством «Украинский письменник», засвидетельствовали широчайшую известность писателя, народную благодарность ему и за все сказанное о войне, и за объективные, непредвзятые зарубежные очерки, и за его неизменно мужественную гражданскую позицию, к примеру — за многолетнюю трудную борьбу

за увековечение памяти о трагедии Бабьего яра («...С ним невозможно было пройти по улице и в Киеве, и в Москве, останавливали на каждом шагу...», — «жалуется» один из мемуаристов).

И в то же время вся эта дея-

Мамаев Курган Виктора Некрасова

тельность навлекла на него «могучий и мутный вал официального порицания в течение многих лет», как сказано в воспоминаниях Паолы Утевской.

На каждый квадратный метр Мамаева кургана, по позднейшим подсчетам, пришлось от 500 до 1.200 пуха и осколков. И в «мирное» время его былой защитник попадал под сильнейший обстрел.

«Когда над передовой начинала кружить «рама» (немецкий разведывательный самолет. — А. Т.), мы знали, она наведет бомбардировщики...» — вот ассоциация, пришедшая в голову Л. Лазареву по поводу одной «критической» статьи 60-х годов о Некрасове, а в начале 70-х, после оскорбительного сорочковухачасового (!) обиска («забрали книги, журналы, маг-

нитофон, пишущую машинку, фотоаппарат») и шести дней допросов, как свидетельствует со слов писателя его многолетний редактор Анна Берзер, «ему было сказано, что он «из окопов Сталинграда» перебрался в окопы врага».

А он все держался на своем «кургане»: вместо раскаяния проявлял, как говорилось в га-

кой и яростной публицистикой о войне в Афганистане да и о внутренних делах. «Я буду говорить правду. В наше время это не легкое обязательно», — любил он напоминать слова Стендала.

Он держался, но, как сам писал о Твардовском, «эти дни укорачивали ему жизнь».

Насильственно разлученный с Родиной, писатель говорил навестившему его Вячеславу Кондратьеву, что «самый для него тяжелый день в его парижской жизни — это день 9 мая. День Победы, как бродит он в этот день по Парижу в бессмысленной надежде найти хоть одного бывшего фронтовика, с которым можно было бы чокнуться в честь праздника...»

И как, должно быть, тосковал Некрасов в своем «прекрасном далеке» просто о московских, киевских, ялтинских улицах и переулках! Инна Гофф вспоминала, как, придя в их квартиру в верхнем этаже высотного дома, Виктор Платонович был поражен открывавшимся оттуда видом и, примостясь на подоконнике, уверял, что «мог бы так просидеть всю жизнь».

«Я-то о Киеве буду думать изо дня в день, — сказал он приятелю перед отъездом. — А будет ли он обо мне помнить?»

Выпущенный в украинской столице с участием живущих и в ближнем, и в дальнем «зарубежье» сборник не только отвечает на этот страдальческий вопрос, но и заставляет еще раз благодарно вспоминать о всегдашнем обыкновении Некрасова знакомить и сближать между собою своих разнообразных друзей вопреки горестно им переживавшемуся «дьявольски заманному и осужденному разобщению людей», увы, продолжающемуся и в наше время.

Некрасов Виктор